

УДК 94(47).063

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПОВОЛЖЬЯ В 1907 – 1917 ГОДАХ

М.Ю. ГРЕБЁНКИН*Казанский юридический институт,
Республика Татарстан**e-mail: mikegreben@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности социального положения и поведения интеллигенции в начале XX века на примере работников высших образовательных учреждений и студенчества, выявляются причины их участия в общественно-политической жизни России в период между революциями 1907 и 1917 гг.

Ключевые слова: интеллигенция, студенчество, высшая школа, социальное положение, общественная активность, Поволжье.

Интеллигенция России в период между революциями 1907 – 1917 гг. представляла собой быстро растущий социальный слой, в котором ускоренно шли процессы дифференциации. Большинство исследователей определяет общую её численность к 1917 году примерно в 1,5 миллиона человек, что составляло 2,7 % от численности всего населения России. Однако влияние этой группы на общественную жизнь намного превосходило ее долю в составе населения и во многом предопределило дальнейшие революционные потрясения в стране. Быстрый рост интеллигенции в начале XX века, наличие в ней множества профессиональных категорий с разным историческим опытом, затрудняли её формирование как полностью сложившейся однородной социальной группы. Не удивительно, что единицей социального действия в исторических событиях в России в начале XX века чаще выступал не весь слой интеллигенции, а его отдельные профессиональные категории, что получило своё отражение в историографии: историками изучалось участие в общественном движении отдельных профессиональных групп интеллигенции-учителей, студенчества и др. Особенности социального статуса и положения провинциальной интеллигенции в период между революциями 1907 – 1917 гг. можно проследить на примере репрезентативных сведений об интеллигенции, занятой в сфере высшего образования Поволжья.

Поволжье было крупным центром высшего образования в дореволюционной России (из 11 университетов России досоветского периода два были расположены в этом регионе). Наряду Казанским университетом в 1909 году был создан Саратовский университет, в 1913 году Саратовское общество сельского хозяйства открыло Высшие сельскохозяйственные курсы, в Казани действовали Ветеринарный институт (один из 4-х в России), Духовная академия и Высшие женские курсы. В крупнейшем вузе региона – Казанском университете на 1 января 1913 года преподавали 49 ординарных и 23 экстраординарных профессора, 62 приват-доцента и 5 преподавателей¹. В целом преподавательский состав Казанского университета включал 261 человека (включая прозекторов, ассистентов, ординаторов). В молодом Саратовском университете в это же время работали 35 профессоров и приват-доцентов².

О сословной принадлежности преподавательского состава вузов представленные дают сведения по Казанскому университету за 1895 год: среди профессоров лишь 25 % происходили из дворян и духовенства, а все остальные из «прочих сословий». Среди приват-доцентов аналогичное соотношение составляло 33 % на 67 %; среди

¹ История Казанского университета. 1804 – 2004. Казань, 2004. С. 221, 222.

² Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950. С. 54.

преподавателей дворян не было вообще³. Правительство использовало свои возможности для оказания влияния на процесс формирования состава преподавателей высшей школы, имея ввиду их политическую лояльность. Так, в 1914 году Министерством народного просвещения был выдворен из Казанского университета талантливый ученый – историк, профессор Н.Н. Фирсов, как «не способствовавший развитию в слушателях патриотического чувства и верности исконным началам русской государственности»⁴.

К 1910 году на территории Казанского учебного округа насчитывалось 63 530 учащихся в 344 учебных заведениях высшего и среднего специального образования.

Таблица 1

Количество средних и высших учебных заведений и численность обучающихся в них в Казанском учебном округе в 1910 г.⁵

Учебные заведения	Количество заведений	Число учащихся
Высшие	5	4 189
Средние	108	36 234
Специальные средние	231	23 107
Общее число заведений	344	63 530

Существовало сословное регулирование состава студенчества. В 1911 году среди 2 386 студентов Казанского университета по сословному происхождению было больше всего сыновей дворян и чиновников – 730, дворян – 30,6 %⁶. Право поступления в университеты без конкурса имели только выпускники классических гимназий, только мужчины (со значительной долей детей дворян), а выпускники «реальных» средних учебных заведений (преимущественно недворянского происхождения) без сдачи дополнительных экзаменов не имели права на продолжение образования в университетах. В результате складывалась парадоксальная ситуация: в Казанском университете в 1910 году на 1 120 вакантных мест было подано всего 400 прошений о приеме⁷, а выпускники реальных, коммерческих, промышленных училищ и других средних специальных средних школ не имели возможности туда поступить, что находилось в резком противоречии с потребностями социально-экономического развития России и потребностями молодежи в начале XX века.

Несмотря на правительственные препоны, в высших учебных заведениях возрастал процент студентов – детей малообеспеченных родителей, выходцев из непривильегированных слоев населения: крестьян, казаков, мещан, низшего духовенства, мелких чиновников; сокращалось количество выходцев из привилегированных сословий. В 1913 году из 2012 студентов Казанского университета сыновья дворян и чиновников составили 37,7 % (табл. 2), тогда как на рубеже XIX и XX веков их доля превышала 50 %. Примерно так же менялась доля дворян среди студентов в других российских университетах: в 1900 г. – 52 %, в 1916 г. – 34 %⁸. Примечательно, что в молодом Саратовском университете доля дворян в 1912 году была еще меньше – 27 %, доля выходцев крестьян и мещан – 55 %⁹.

³ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России. Казань, 1991. С. 357.

⁴ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 236.

⁵ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1913. Выпуск 6. С. 25.

⁶ Университетская жизнь // Камско-Волжская Речь. 1911. 13 ноября.

⁷ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 82.

⁸ Там же. С. 179.

⁹ Годичный акт в Императорском Николаевском университете 6 декабря 1911 г. (вторая годовщина). Саратов, 1912. С. 55.

Таблица 2.

Сословное происхождение студентов Казанского университета в 1913 г.¹⁰

Студенты – выходцы из сословий	%
Дворяне и сыновья чиновников	37,7
Духовенство	9,4
Купцы и почетные граждане	9,7
Мещане и пеховые	24,8
Из крестьян	14,7
Прочие	3,7

Существовало, хотя и не закрепленное в качестве законодательной нормы, но осуществлявшееся властями на основе циркуляров МНП, регулирование конфессионального и национального состава студенчества. Особенно это касалось представителей еврейской молодежи (иудейского вероисповедания), в отношении которых по циркуляру МНП от 10 июля 1887 г. действовала по Казанскому учебному округу пятипроцентная норма приема в высшие и средние учебные заведения.

Получение абитуриентами – евреями фальшивых свидетельств о переходе в христианство строго преследовалось: в 1913 – 1914 учебном году тотальная проверка выявила такие подлоги в Казанском университете и Казанском ветеринарном институте, что вело к отчислению нарушителей из вузов. За 1899 – 1917 годы в Казанском университете обучались всего лишь 37 татар – мужчин и 4 женщины – татарки, и только 51 представитель других тюркских народов – азербайджанского, башкирского, казахского. Окончили университет за эти годы 28 представителей этих народов, в том числе всего 8 татар (по сословной принадлежности – 4 дворянина, 1 купец, 3 крестьянина)¹¹. В Саратовском университете в 1912 г. училось всего 3 мусульманина¹².

Росло стремление женщин к высшему образованию. На Казанских высших женских курсах обучалось в 1913 году до 1500 слушательниц, т.е. «число, равное 3/4 всех студентов местного университета, только в Петербурге и Москве на физико-математических факультетах высших женских курсов обучается еще около 2000 женщин из Камско-Волжского края»¹³. Качество образовательной подготовки женщин, поступавших на курсы, год от года повышалось: так, в 1909 – 1910 учебном году 42 % курсисток имели свидетельства об окончании 7 классов женской гимназии и VIII дополнительного «педагогического» класса.

Группа слушательниц высших курсов, происходивших из непривилегированных сословий, составляла примерно 40 % и постоянно росла, все более опережая дворянско-чиновничью группу (30 %). Среди слушательниц 32 % были выпускницами епархиальных училищ¹⁴, происходили из семей бедных священнослужителей, что было одной из особенностей высших женских курсов в провинции.

Правительство стремилось сократить число женщин, учившихся в университетах в качестве вольнослушательниц, что фактически означало ограничение в праве российских девушек на равный доступ к образованию и характеризовало отношение правительства к демократизации общества и к образованию женщин. В результате правительственных запретов численность вольнослушательниц в Казанском университете сократилась с 318 в 1906 – 1907 учебном году до 31 – в 1910 – 1911 учебном году¹⁵.

Сложными были условия жизни и учебы студенчества Поволжья. Хорошо зная демократический дух студенчества, опасаясь распространения вольнолюбивых

¹⁰ История Казанского университета... С. 244.

¹¹ Михайлова С.М. Казанский университет... С. 347.

¹² Годичный акт в Императорском Николаевском университете 6 декабря 1911 г. (вторая годовщина). Саратов, 1912. С. 55.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. 1912. Д. 650. Л. 3 об.

¹⁴ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века... С. 156-157.

¹⁵ Там же. С. 120.

традиций, которые сохранялись в его среде, самодержавное государство накладывало запреты и ограничения на жизнь и учебу студентов, стремясь поставить их вне общественного движения, затруднить создание самостоятельных организаций.

Положение студентов регламентировалось общим уставом и правилами для студентов и сторонних слушателей учебных заведений, принятыми в 1884 – 1885 гг. Студенты считались «отдельными посетителями» вузов, поэтому им запрещались любые корпоративные выступления, сходки, собрания. При поступлении в вуз (если это происходило не в год окончания абитуриентом средней школы) студент представлял в инспекцию, кроме аттестата о среднем образовании, выданное полицией свидетельство о политической благонадежности и давал подписку с обязательством не участвовать в тайных обществах. За провинности студент мог получить выговор, быть подвергнут заключению в карцер, исключен из вуза. Инспекция имела право контроля за личной жизнью студентов: им запрещено было жениться, они были обязаны носить форму, мелочной регламентации подвергалось пребывание в общественных местах.

Приказом министра народного просвещения было запрещено создавать такие организации студентов, которые не были ограничены численно и могли включать в себя всех студентов данного учебного заведения, «т.к. правом общих собраний они легко могут воспользоваться для общих сходок с посторонними целями». Не разрешены были и такие организации, в число членов которых могли бы войти не учащиеся в высшей школе. Научные и литературные кружки могли действовать только под контролем профессоров и преподавателей, на что «должно быть обращено самое серьезное внимание. Кружки без такого руководства не должны быть разрешаемы»¹⁶.

Запрещались кружки студентов, состоящие из представителей нерусских народов, причем казанский губернатор в письме министру внутренних дел отмечал, что «организация подобных кружков среди студентов университета представляется явлением крайне нежелательным в интересах чисто государственных... В особенности это следует сказать по отношению к татарам–мусульманам»¹⁷. Запрещались всяческие организации взаимопомощи студентов, в особенности национальные¹⁸.

Под запретом были любые собрания в стенах высших учебных заведений. В январе 1911 года Совет министров обязал ректоров не допускать в стенах учебных заведений публичных и частных студенческих собраний и довести до сведения всех студентов, что лица, «нарушившие это распоряжение, будут немедленно исключены» из вузов. Был установлен строгий надзор за тем, чтобы в учебные заведения не имели доступа посторонние лица. В случае же проведения собраний, «полицейским чинам вменяется в обязанность тотчас принимать быстрые и решительные меры»¹⁹. В дневнике И.С. Ключева, депутата Государственной Думы и крупного чиновника сферы просвещения, в январе 1914 года было отмечено: «ни высшая, ни средняя, ни низшая школы не только не улучшаются, ...но как бы даже ухудшаются, т.к. в них душится всякая живая мысль, всякая личная инициатива».²⁰

Собрания студентов даже на частных квартирах разгонялись властями, если они проводились без предварительного оповещения полиции. Студенты – их организаторы подвергались крупным денежным штрафам и арестам²¹. Из Казанского университета по политическим мотивам в 1907 – 1909 годах было уволено, отдано под суд и сослано в Сибирь 43 студента²².

Сложным было материальное положение студенчества. За обучение взималась плата, к которой добавлялись расходы на приобретение мундира, шинели, шапки, зимнего и летнего пальто, фуражки, учебников. Местная газета свидетельствовала,

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. 1912. Д. 837. Л. 185.

¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 837. Л. 43.

¹⁸ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 19614. Л. 16 об.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 893. Л. 10.

²⁰ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 104 об.

²¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 19612. Л. 2, 4, 4 об.

²² Лисовский Н.К. Молодые борцы революции. М., 1987. С. 48.

что нужда среди студенчества г. Вольска Саратовской губернии была «так огромна, что трудно найти выход»; оно не имело средств для учебы, т.к. по своему основному составу «принадлежит к демократии». Городская или земская стипендия в 200-240 рублей в год была «слишком мизерна для того, чтобы из нее и внести плату за учение, и прожить в продолжение 9 месяцев учебного года»²³.

Получение стипендий для нуждающихся студентов, как подчеркивалось в совершенно секретном циркуляре министра народного просвещения Л.А. Кассо попечителю Казанского учебного округа, было обусловлено «одобрительным поведением», поэтому как кандидаты на стипендии, так и пользующиеся ими студенты ставились «под особое в этом отношении наблюдение начальства», которое обязано было следить, чтобы стипендии «не иначе назначались, как по предварительном собрании у местных губернаторов и градоначальников справок о политической благонадежности студентов»²⁴.

Студенчество представляло собой группу со специфическими условиями жизни: высокая концентрация в центрах обучения, однородность повседневной деятельности – учеба, единый правовой статус, сходное материально-бытовое положение, специфическая субкультура. Эти особенности определили важную черту общественного движения студенчества: склонность к массовым, единообразным по формам коллективным действиям (сходка, забастовка, обструкция) в масштабах учебного заведения, города, страны. Тип социального поведения студенчества зависел от его возрастных характеристик – принадлежности к молодежи с присущими ей эмоциональностью, раскрепощенностью, резкостью суждений, массовостью внешних форм протеста, склонностью к радикальным формам действий. Студенчество обладало особым стилем духовно-культурной жизни, его общественно-политические устремления были разнонаправленными и не всегда стабильными.

Социальное положение интеллигенции в начале XX века отличалось неустойчивостью и имело двойственный характер: Видные профессора, юристы, врачи являлись собственниками домов, загородных дач и наследниками поместий, пайщиками предприятий, акционерами, хозяевами лечебниц, но таких было мало. Основная же масса интеллигенции трудилась по найму, постоянно возрастала доля неимущей интеллигенции. Пополнение рядов интеллигенции шло в основном со стороны выходцев из крестьянства и «третьего элемента», по происхождению и положению она была близка к трудящимся слоям населения и тесно связана с ними. Интеллигенция вузов и студенчество Поволжья в период между революциями 1907 и 1917 гг. пережили процесс изменения своего социального статуса в условиях разложения сословного строя российского общества, его постепенного структурирования в общество бессловное, гражданское.

SOCIAL STATUS AND PUBLIC ACTIVITY OF THE INTELLECTUALS IN THE VOLGA REGION AT THE PERIOD OF 1907 – 1917

M.Ju. GREBENKIN

*Kazan Law Institute,
Republik of Tatarstan*

e-mail: mikegreben@mail.ru

In the article we consider particularity of social status and behaviour of intellectuals at the beginning of the 20 th century (on example workman high educational institutions and universities). We reveal reasons of their participation at the social – political life of the country.

Key words: intellectuals, students, high educational institutions and universities, social status, public activity, Volga Region.

²³ К студенческому вечеру // Вольская жизнь. 1914. 5 января.

²⁴ НА РГ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 19611. Л. 93-93 об.